

ДОЛЖЕН БЫТЬ. СЕРГЕЙ ТАРАНОВ. КИЕВ: ЧЕТВЕРТА ХВИЛЯ, 2021.
168 С.; ISBN 978-966-529-349-1.

Украинский философ Сергей Таранов написал монографию, посвященную экзистенциальному раскрытию смысла божественного, а именно: идеи Абсолюта. В прологе автор задевает проблематику двух подходов к данной идее: отказ от неё в свете тенденций постмодернизма; и некритическое принятие с нюансированным рассмотрением маргинальных проблем. Сам автор, придерживаясь экзистенциального подхода в теологии, прибегает к идее Абсолютного Бытия как идеала и горизонта человеческого существования. Книга состоит из трех разделов в соответствии с раскрытием ключевой формулы: Ничто – Бытие – Экзистенция.

В первом разделе “Тревога и надежда” Таранов определяет человека как интенционально устремлённого вне себя, к иному, т.е. как “трансцендирующего”. Автор придерживается феноменологической методологии. Он также добавляет, что именно бедственность существования является источником интенциональных актов. Эта бедственность – результат конечности человеческого существования, переживающего опыт Ничто. Речь идёт о бытии, ограниченного небытием. Именно несовпадение себя с собой в экзистенции, которая стремится к эссенции – причина тревоги за Бытие. Далее автор объясняет, что данная тревога заставляет человека прятаться за различными палиативами, которые не могут того удовлетворить. Как только человек покидает искусственные декорации (успех, известность, занятость), плотно обставленные вокруг экзистенции, тот неизбежно сталкивается с опытом Ничто. Однако переживаемый опыт не подразумевает некой патологии, которая должна быть излечена различными формами эскапизма. Тревога за Бытие дает возможность не просто жить (что доступно многим) – быть, сбываться. Поэтому тревога свидетельствует о призыве, в котором человек осознает свою незавершенность и жажду по трансцендентному. После этого автор сводит философскую и теологическую дисциплины в общем для них предмете – онтологии, которая вопрошает о Бытии, параллельно с тем критикуя строгую философскую дисциплину за приверженность рассудочному мышлению, что означает переход от действительно важных онтологических проблем к онтическим, где последние так же относительны, как и человеческий опыт. Более того, онтические вопросы не имеют никакого прямого отношения к жизненному миру человека, задевая его лишь косвенно. Только теология, по мнению автора, всматривается в “суть” вещей, поскольку занимается обдумыванием предельного онтологического совершенства – Абсолюта.

Второй раздел “Бог-впереди-нас” является центральным. Автор ставит перед собой задачу реабилитировать понятие “Бог” в философском дискурсе. Глава начинается с освещения теории ценностей Эдгара Брайтмена, в которой в одиннадцати пунктах Бог определяется как: 1) Совершенное Бытие, создающее и хранящее ценности; 2) персонифицированные частные идеалы; 3) идея родовой и этнической общности; 4) высший личностный создатель; 5) полнота реальности; 6) непозна-

ваемый источник бытия; 7) человеческое устремление к идеалу; 8) сверхчеловеческий и сверхприродный открыватель ценностей; 9) система идеальных ценностей; 10) творческий природный процесс создания и поддержания ценностей; 11) двигатель революции и эволюции; 12) имманентный природе и ценностям разум. Представленные выше подходы Брайтмен сводит к первому. Таранов в свою очередь добавляет, что подход Брайтмена страдает неточностями. Бог, согласно автору, не только исток ценностей, но, что куда важнее, цель и идеал человеческого намерения и рвения; не только Альфа, но и Омега (Шарден). Это понуждает Таранова проанализировать структуру человеческого становления, которая свидетельствует о неполноте человеческого бытия. Отсюда автор переходит к теориям “ограниченного Бога” Ганса Йонаса и Томаса Альтицера. Согласно их позициям, существование зла – следствие жертвенного самостирания Бога в творении, где на последнем лежит задача “помочь” Создателю вернуться к Самому Себе в Ином виде. Указывая на некоторые различия в их мысли, Таранов подчеркивает общую для богословов идею “кенозиса”, которую в своем отношении к будущему наилучшим образом выразил Юрген Мольтман. У последнего, как считает автор, несмотря на в общем правильную интенцию, эсхатология обретает слишком “буквалистские” черты. Далее приводятся в пример финитистские гипотезы уже упомянутого Эдгара Брайтмена и Грегори Бойда о “бесконечно-конечном” Боге, который не обладает такими традиционными атрибутами христианской метафизики как всемогущество (Брайтмен) и всеведение (Бойд). Критикуя статическое понимание Абсолюта, идеи богословов сводятся к тому, что Бог изменяет как Себя, так и Свои решения соответственно с решениями свободной человеческой воли. Речь идет о синергическом взаимодействии Бога с человеком-сотворцом. Отсюда сама возможность влияния на Бога со стороны свободного творения. Таранов подмечает, что попытки посмотреть на Бога как на “ограниченного” продиктованы проблемой зла. Но также существует иной подход, вне темы “самоограничения”: Бог и Его совершенство как идеал полноты и цель человеческой экзистенции. Это также означает перевести фокус зрения с “Откуда-Бога” на “Куда-Бога”, с Альфы на Омегу, т.е. на “идеал” человеческих возможностей и устремлений. Это путь от человека (с маленькой буквы) к Человеку (с большой буквы). Автор настаивает на схеме устремленности человека от Ничто к Бытию (полноте), наилучшим образом выявляющейся в доказательстве от вопрошания Паскаля-Киркегора. Бог – за пределами миру и человеку, не “вещь”, которая “существует”, но Само-Бытие, *Esse Ipsum*, направление и цель человеческой экзистенции, где последняя выступает как “Еще-не-Бытие” (Блох). Ссылаясь на Людвигу Фейербаха, который хотел превратить теологию в антропологию, автор усматривает в его намерениях выявление незыблемой антропологической истины: “неизбытную важность Абсолюта как атрибута человеческого сознания” (курсив автора – С.Т.). Именно фейербаховский лейтмотив созвучен автору в перспективе реабилитации понятия “Бог” как маяка для человеческого совершенствования, “Бога-впереди-нас” (Мольтман). При этом автор уточняет, что, в отличие от идей Мольтмана и Панненберга, для которых важен достижимый конец (*finis*), речь идет про цель-ориентир (*telos*) – идеал, по определению недостижимый. В подобной парадигме Абсолют – не трансценденция, но трансцендирование. Поэтому автор без колебаний

призывает оставить позади вопрос “откуда?” (Бонхеффер, Альтицер и Йонас, по мнению автора, сделали свое дело), и перейти к вопросу более животрепещущему: “куда?” Отсутствие Бога призывает тварь к восполнению. На этом этапе происходит осознанный переход от кенозиса к теозису, в котором призывающий Бог становится не Тем, Кто Он есть, но Тем, Кем Он будет. Отсутствующее присутствие (курсив автора – С.Т.) Бога поэтому важно, поскольку ставит перед человеком ряд задач, связанных с его будущим. Эxpлицитируя идеи западных мыслителей, автор демонстрирует, как через эти идеи и стоящее за ними желание (включая христианский символизм в понимании Бога, представленный последовательностью Сына-Духа-Отца), раскрывается структура экзистенции в ее бесконечной направленности от Ничто через трансцендирование (интенциональность экзистенции) к Абсолюту (Бытию). Автор напоминает, что Бог как всегда впереди-стоящий настолько трансцендентен, что такие категории как “личность” и “сущность”, вопросы “кто” или “что”, к Нему если и применимы, то исключительно задним числом, как задействованные в акте становления временные понятия. А поскольку это рвение, становление, направление любви человека к Богу – бесконечно, Бог не может выступать “предметом”. Скорее, исходя из рассуждений автора, Бог – это вечный процесс человеческого самопревосхождения. И здесь автор призывает к важному ходу: деобъективации Бога (выделено автором – С.Т.). Иными словами, Бог – не “вещь среди вещей”, и в этом смысле Его не существует (курсив автора – С.Т.). Этого требует примат трансцендентного. Но пустота на месте Бога побуждает человека к восполнению, к риску веры, движимой сомнением и поиском. Это поиск трансцендентного идеала, Абсолюта, который должен быть реабилитирован в современном богословском дискурсе. В целом, подытоживая раздел, автор красноречиво выводит ряд существительных с приставкой “экс-”, эxpлицитируя призыв к проявлению фундаментальной интенции, направленной к “запредельному”, не забывая при этом подчеркнуть, что реализация призыва – дело выбора каждого, а не автоматическая данность, как полагал Тейяр де Шарден, тогда как настоящее время человека – его будущее.

Третий раздел под названием “Преодоление и намерение” ставит во главу угла идею “не-само-тождественности-человека”, которая выводит к ориентирам бесконечного само-преодолевания, что подразумевает активное действие. Упомянув имена Канта, Гегеля, Маркса и других свидетелей активной потребности экзистенции в “реализации”, автор вновь акцентирует на единстве философии, изучающей структуру Бытия (вопрошающей), и теологии, зовущей в само Бытие (отвечающей). Эта “воля к Бытию” выше “воли к жизни” (Швейцер), поскольку первая трансцендирует саму жизнь. Также автор возвращает идею “утопии” экзистенциальное измерение как волю к полноте бытия. Он делает вывод о необходимости нового феноменологического понимания времени как исходящего из будущего, поскольку наше отношение к будущему конституирует настоящее и прошлое. В целом, Таранов вновь подчеркивает один из ключевых тезисов: Бог – онтологический идеал человеческого существования (курсив автора – С.Т.), *Esse Ipsum*. По мнению автора, этой фундаментальной интенцией пронизаны онтология, гносеология, философия истории, этика, эстетика, современная логика, философия науки, коммуникативная философия и герменевтика, политика, философская

антропология и философия культуры. Все эти области знания выдают дихотомию “разорванности-целостности”, в которой происходит осознание того, что реальность не соответствует действительности, данность — идеалу, а Сущее — Бытию, и, таким образом, вслед за осознанием — пробуждение к исцелению. Отсюда вопрос: что может послужить лекарством, исцеляющим человеческую природу? По мнению автора, только любовь, которая в своем коммуникативном ключе есть смысл движения экзистенции. Таранов также вступает в небольшую полемику с Хайдеггером, противопоставляя его структуре экзистенции (Сущее → Dasein (existentialia) → Ничто) свою собственную (Ничто → экзистенция → Бытие). Данная структура, как полагает автор, более соответствует идее “исполнения”. Так или иначе, цель не может быть достижима, поскольку речь идет о вечном и незавершенном процессе, возрастании интенсивности в переживании конечным существом Абсолюта. Для этого автор проясняет понятие экзистенции не только в отношении ex-stasis (в смысле “пере-несение”), но и как meta-stasis (“пере-мещение”), т.е. как вечного восстановления (становления) внутреннего единства. Автор также критически рассматривает негативное отношение к мифу со стороны рационального дискурса, задавая риторическим вопросом: кем доказана негативная роль мифа? Таранов поясняет, что миф-гипотеза открывает перед человечеством три пути: 1) бездумный прогресс; 2) “пробуждение” “спящего” Бога внутри человека; 3) надежда на исход к лучшему. Автору импонирует третий путь. Он видит будущее как путь к иному, в котором человек только и может себя обрести. Здесь нет места доказательствам бытия Бога, поскольку тот — горизонт человеческих надежд. Поэтому человек должен жить как “если бы” Абсолют был целью. Отсюда другой вопрос: как быть человеку? Критикуя квазитрансцендирование в форме коммунизма, фашизма, воинственного атеизма и прочих идеологий, обретающих догматический характер, автор в целом приходит к выводу, что, хотя и не существует универсального для всех способа бытия, так как у всех тот уникален и зависим от контекста, сам факт необходимости с-бытия — универсален.

Подводя итоги, автор напоминает: человек — только “нить”, связывающая имманентное с трансцендентным. Иисус как “путь, истина и жизнь” (Ин.14:6) обозначил контекст богопознания именно как пути (курсив автора — С.Т.) Бог всегда будет бесконечным горизонтом впереди нас, тем, кто пробуждает и побуждает наше рвение к самому себе — полноте, целостности, устойчивости. “Значение Бога как идеала и ориентира интенции, — пишет автор, — вряд ли сможет исчезнуть”. И вслед за своим идеалом “должен быть человек”, — подытоживает он.

Представленная книга насыщена множеством персоналий, старается охватить и описать основные идеи довольно широкого периода интеллектуальной истории, поднять и критически рассмотреть важные экзистенциальные вопросы, а также обозначить возможные ориентиры для дальнейшего продвижения. В частности, главной целью автора являлась реабилитация понятия Бога как Абсолюта, связав последнее с пониманием человека как бесконечно трансцендирующего в иное. Учитывая скромный объем данного труда (всего 168с.), экзистенциальная проблематика освящается широко и полно, что, конечно, может послужить как отличным пособием для ознакомления с ключевыми идеями экзистенциальной теологии, так и возможностью глубже исследовать затронутую автором проблематику. Тем

не менее, в некотором смысле подход автора страдает определенными недостатками. Экспликация ключевых идей наиболее известных философов и богословов с попытками образования между ними определенной связности, подвергает автора опасности представить свое исследование как декларацию ряда тезисов и сентенций без детального углубления и проработки стоящей за ними проблематики. С одной стороны, Таранов действительно выстраивает свое богословие, исходя из наследия ключевых мыслителей, на которых тот постоянно ссылается; тогда как с другой, он слишком смело отсеивает или обходит то, что по его мнению идет в ущерб лейтмотиву работы. В частности это касается упоминания философии Хайдеггера без критического разбора тех или иных ключевых постулатов философа, или критики “буквалистского” подхода Мольтмана без описания того, что он имеет в виду, и почему данный подход неприемлем. Также в работе наблюдаются проблемы идейного характера. Например, автору импонирует понимание Бога как того, кто будет, а не того, кто есть, что созвучно постмодернистскому богословию, в частности различным направлениям в теопозитике; тем не менее автор продолжает придерживаться понимания Абсолюта как *Esse Ipsum*, – т.е. в каком-то смысле по-прежнему оставаясь в метафизической топике опредмеченного Бога, не углубляясь в данную проблематику. Также следует отметить попытки автора оставить позади кенотическую теологию Тиллиха и Альтицера, чтобы перейти к пониманию Бога как Абсолютного и Совершенного Бытия на горизонте человеческих устремлений. Проблема заключается в том, что теология Альтицера более радикальна: либо Бог действительно и бесповоротно самоустранился в творении, предоставив место человеку (и тогда ни про какой трансцендентный Абсолют “вне” творения речи быть не может), либо, следуя традиции Барта “Бог на небе, человек на земле”, необходимо признать наличие Абсолюта “вне” творения, что противоречит представленной ранее идее кенозиса, которая оставляет Абсолют позади в его самоустраниении. Другими словами, затронутая автором богословская проблематика “имманентно-трансцендентного” в понимании Абсолюта как бесконечного трансцендирования человека значительным образом не решается, хотя такое намерение, разумеется, присутствует. Тем не менее, несмотря на представленные недостатки, главная идея труда освещается должным образом и подкрепляется большим числом примеров.

В целом книга оставляет приятное впечатление целостности и обширности. Данный труд с удовольствием можно рекомендовать как специалистам, занимающимся экзистенциальной проблематикой в теологии, так и всем тем, кто интересуется историей философско-богословской мысли.

*Магомед Рубаненко
НПУ им. М.П.Драгоманова,
Киев, Украина
magomedrubanenko@gmail.com*

ORCID: 0000-0002-1397-0888

*Надійшла до редакції / Received 2.09.2021
Прийнята до публікації / Accepted 13.10.2021*